

Закарпатская Правда
г. Ужгород

◆ 27 декабря 1987 г. Воскресенье

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Владимир КАШУБА

ОТОШЛИ в прошлое его «поисковые» роли. Это был воротила в воровском коdle, тип социально опасный — Брюхатый из шукинских персонажей, человек с двойным дном — то простой человек: сантехник Тудышкин, то он же, продавший черту душу, утративший человечность в спектакле «Святой и грешный» Варфоломеева. Впервые произошла встреча с Чеховым и не лучшим образом (Дорн в «Чайке»). Наши современники, его персонажи — председатель колхоза Звонарь («Ступени» Зарудного), секретарь райкома Якимов («Совесть» Павловой), управляющий трестом Батарцев («Заседание парткома» Гельмана). Портретная галерея! Их много, но ни один из них не напоминал другого. Сыграны они в областном русском драматическом театре в разной манере и не в одинаковой степени достоверности. В основном — рельефно, правдиво.

Особого внимания заслуживает мольеровский триптих В. Кашубы. Он сыграл Сганареля («Лекарь поневоле»), Тартюфа («Тартюф»), Скапена («Проделки Скапена») в постановке В. Суркова, А. Короля, В. Канаева. «Люблю, — говорит Владимир Филиппович, — работать с разными режиссерами. Это обогащает, ведь у каждого свои понятия, метод работы, подход».

В безудержно веселом, блистательном фарсе «Лекарь поневоле» В. Кашуба сыграл сметливого, остроумного слугу Сганареля, прошедшего огонь и воду. Через годы он сыграл Скапена. Роль вводная. С утратой возрастного соответствия была утрачена легкость, раскованность, непосредственность динамики игры. Но появились иные краски. Его Скапен был не просто плут, шутник и проказник. Новым было то, что актер наделил Скапена острым умом, чувством собственного достоинства.

Испытанием на профессионализм и мастерство стал образ Тартюфа. Актер стоял перед сложнейшей задачей — раскрыть новую для себя острую театральную форму, театральность как бытовую, так и психологическую. Чревоугодник и сластолюбец, Тартюф — Кашуба владел тончайшими приемами церковной казуистики, что помогало ему выиграться из самых затруднительных положений.

«В работе над образом Тартюфа, — говорит В. Кашуба, — я нашел взаимопонимание с режиссером, вынес урок, поучительный для меня. Понял, что прежде всего следует выделить в роли главное для себя, но не забывать при этом и о том, что это, мною найденное, дает и для решения, понимания всего спектакля в целом. К примеру, меня не удовлетворяла роль в спектакле «Момент истины» Ибрагимбекова, не потому что она эпизодическая, а потому что функциональная. Она нужна в спектакле лишь для того, чтобы появилась в поле зрения главного героя леска, что внесло в его душу смятение. Такие же функции выполняет и мой Барабанов в спектакле «Улица Шолом Алейхема, 40».

Можно лишь присоединиться к советам актера. К названным им ролям следует отнести, хотя она и главная, роль Эдмона Фонтажа («Чей малыш?» Ж. Латрета). Она чужда ему, он «вырос» из нее.

При распределении ролей следует учитывать своеобразие почерка актера, его еще не раскрытые возможности. Известен такой факт. Актер обратился к режиссеру Ю. Фекете с просьбой дать ему возможность сыграть положительную роль, а то ведь тиражируют в одном плане — в ролях с отрицательным зарядом. Такой первой совместной работой актера с новым главным был Карлсон, взрослый ребенок, принесший актеру успех в спектакле «Малыш и Карлсон,

который живет на крыше». И начался поиск.

В работе над образом Андрея Буслая («Порог» А. Дударева) перед актером была поставлена трудная задача — в рамках быстро развивающегося сюжета найти место, время, способы выразительности, чтобы разрешить удивительный психологический парадокс поведения Андрея, загадку его характера. Года два как я наблюдаю процесс работы над уже «готовым» образом. Взыскательный актер продолжает растить, формировать приемы освоения столь сложного материала, прослеживает нарастание в герое иной сущности. Если в первых сценах он сосредоточил свое внимание на убийственно точных нюансах отмирания всего человеческого у алкоголика, то уже в конце первого акта в его глазах появляется боль, хмельной цинизм заслоняется жгучим интересом к человеку.

В работе над образом Буслая В. Кашуба, по его собственному признанию, привлекла жизнь, которая проявляется в личности, и все то, что из этого неизбежного единения проистекает. Подобные волнения испытывает актер, когда играет Ивана в спектакле «Иван и Мадонна» Кудрявцева.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы по-иному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности. Была опасность повториться, ведь его Иван и Буслай «работают» в плане трагикомедийного жанра. Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

Невзрачный, неказистый, по мнению жены, еще и непутевый — таков Иван в спектакле, ничего героического в нем нет. Но именно он самый совестливый, безотказный работага, мастер на все руки, фронтовик, из породы тех «чудаков», на которых земля держится, и тех чудаков, по выражению Горького, что украшают мир. Эти скрытые от людских глаз черты актер выявляет в сценах.

Иван (каким сыграл его В. Кашуба) живет среди нас как символ чести и справедливости, бескорыстия, нравственного максимализма. В войну отважный разведчик совершает подвиг, спасая всемирно известную картину с изображением Мадонны. Он был потрясен ее красотой, духовной силой, пережил нравственное очищение. Мы верим герою Кашубы, он не может простить бывшему полицая его злодеяний, жить рядом — это оскорбление родной земли.

Творческим взлетом стал для В. Кашубы и образ Андрея Буслая, и Ивана. Он максимально слился с ними, проникся их строем мыслей и чувств. Актер — гражданин как бы приглашает нас к размышлению о человеке и его судьбе в современном мире. Оба они, и Андрей и Иван, выходят за порог театра — в жизнь.

И. ДАВИДОВА,
кандидат филологических наук, театровед,
г. Мукачево.

НА СНИМКЕ: В. КАШУБА
в роли Ивана («Иван и Мадонна»).

Фото Ю. ПОГОДЫ.